

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

А. Л. Лифшиц

ОБ ИСТОРИИ ШЕРЕМЕТЬЕВСКОГО ТРЕБНИКА

Хранящаяся в РГАДА¹ рукопись иноческого Требника — одна из тех древнерусских книг, причудливой судьбе которых можно лишь удивляться. Кодекс принадлежал А. И. Мусину-Пушкину, но не сгорел вместе с другими рукописями его собрания². Рукопись смотрел И. И. Срезневский, но ограничился лишь краткой заметкой на л. 163 об. книги о примерном времени ее написания (XIV в.) и о том, что писцом рукописи был новгородец. Требник был издан обществом любителей древней письменности факсимильно³, но долгое время находился неопознанным в Архиве древних актов⁴. Был подарен потомками А. И. Мусина-Пушкина графу С. Д. Шереметьеву, но поступил в архив вне состава коллекции председателя ОЛДП⁵. Предлагаемая заметка представляет собой попытку проследить судьбу кодекса до того, как он попал в собрание Мусина-Пушкина.

Небольшая, в малую четвертку, рукопись Шереметьевского Требника написана крупным, в основном каллиграфическим, уставом, украшена заставками и инициалами, которые можно по праву отнести к лучшим образцам развитого тератологического стиля. Рукопись приводится в качестве образца Е. Ф. Карским⁶, ее упоминает среди важных для истории русского языка памятников Н. Н. Дурново⁷. Отличной выделки пергамен, тщательность, с которой книга была написана и украшена, прекрасная сохранность кодекса (ведь сохранился, хотя и был поновлен, даже первоначальный переплет — вещь не самая обычная) — все это выделяет рукопись из числа известных нам Требников, как древнерусских, так и южнославянских, и заставляет предполагать, что, вопреки своему названию, рукопись вовсе не использовалась для монастырских треб, а была, если так можно сказать, *статусной* книгой, подчеркивающей богатство монастыря, который ею владел. Едва ли и в монастырь такая рукопись могла попасть с другой целью. Легче всего представить, что она была вкладом, пусть и не самым богатым, но и не рядовым — одной

¹ РГАДА. Ф. 188 (Рукописное собрание ЦГАДА). № 819; описание рукописи см. в: Каталог славяно-русских рукописных книг XI–XIV в., хранящихся в ЦГАДА СССР. М., 1988. Ч. 2. С. 313–314.

² «Да останется она живой памятью незабвенного деда как частица из его сокровищницы, счастливым образом спасенная из пожарища 1812 года», — говорится в письме внука А. И. Мусина-Пушкина, прилагавшемся к даримой С. Д. Шереметьеву рукописи (хранится вместе с рукописью).

³ Требник-потребник // Изд. ОЛДП. Вып. XXIV и LXIII. СПб., 1878–1879.

⁴ Князевская О. А. Восемь пергаменных рукописей из собрания ЦГАДА // ТОДРЛ. М.; Л., 1962. Т. VIII. С. 437–439.

⁵ Морозов Б. Н. Новоописанная коллекция «Рукописное собрание ЦГАДА» // Проблемы научного описания рукописей и факсимильного издания памятников письменности: Материалы Всесоюзной конференции. Л., 1981. С. 188–197.

⁶ Карский Е. Ф. Славянская кирилловская палеография. М., 1979. С. 187, 418.

⁷ Дурново Н. Н. Введение в историю русского языка. М., 1969. С. 75.

из многих книг, вкладываемых в процветающую обитель, в которой, несомненно, уже были вкладные Евангелия, Псалтыри и т. п. В этом контексте вклад иноческого Требника предстает как почти домашний, почти интимный подарок человека, знакомого с жизнью монастыря изнутри, как подарок не монастырю даже, а монастырской библиотеке, в которой такого экземпляра Требника еще не было.

Не составляет особого труда вслед за И. И. Срезневским увидеть в писцах рукописи (а в рукописи есть незначительные вкрапления почерков, отличных от почерка основного писца) новгородцев. Все они смешивают **ц** и **ч**, все допускают написание **и** на месте ожидаемого **ѣ** и наоборот. То, что писцов было именно трое, резко уменьшает вероятность создания рукописи где-то за пределами новгородской территории.

О времени написания рукописи свидетельствуют по крайней мере два отличительных признака. Это, во-первых, очень характерный стиль орнаментики, особенно заметный в инициалах памятника: как будто ременное плетение или тератологическая фигура оказывается наклеенной на плотную синюю подкладку, которая и образует узнаваемый облик буквы. Во-вторых, один из дополнительных почерков (Л. 46–47 об.) несет в себе признаки близкого знакомства с младшим русским полууставом: буквы наклоняются к концу строки или, напротив, к ее началу, но только не стоят в строке прямо; толстые и тонкие линии перестают различаться, петли букв из плавных становятся заостренными. Оба этих признака в совокупности указывают на первое десятилетие XV в., как на наиболее вероятное время написания кодекса.

Если мы обратимся к новгородской письменности рубежа XIV–XV в., то увидим, что именно в это время появляются рукописи — не Евангелия или Апостолы, а богослужебные, — которые еще во второй половине XIV в. едва ли стали бы писать торжественными почерками и так украшать. Лучший пример — Служебник архиепископа Иоанна 1400 г.⁸ или другая рукопись писца Федора — Служебник из собрания графа Ф. А. Толстого.⁹ Чуть менее красивый образец — тоже Служебник — Служебник царевича Алексея, написанный, вероятно, уже в начале XV в.¹⁰ Именно к этому кругу памятников тяготеет и Шереметьевский Требник, хотя почерки Требника не столь каллиграфичны и монументальны, как почерк писца Федора, а заставки и инициалы не столь тяжеловесны, как в Служебнике 1400 г., и не столь изощренны, как в Служебнике из Публичной библиотеки.

Помимо внешних особенностей почерка и орнаментики, на принадлежность Шереметьевского Требника тому же кругу рукописных памятников, что и все три названных Служебника, косвенным образом указывает запись, существовавшая когда-то на нижнем поле лицевой стороны листов 2–21. В существующем описании Требника сказано, что на этих листах затерта запись, сделанная скорописью XVII в.¹¹ Попытки прочесть запись невооруженным глазом позволили увидеть отдельные буквы и части слов. Применяв слабую ультрафиолетовую лампу, удалось разобрать некоторые слова и связные части текста: «Лѣт(а) [...]бник положил в дом св(я)таго живоноснаго Возкресения Г(о)с(по)да Б(о)га и Спаса нашего И(ису)са Хр(и)ста Новаго И... пат <риарх> ...а кто возхощет Ѹсвоит(и) ю якоже Ахар с(ы)нь Хармиев или Ѹтаит(и) ... и Сапфир да отнимет от него...». В этих отрывках легко узнается вкладная запись патриарха Никона, хорошо известная по книгам Воскресенского и Синодального собраний ГИМ, в частности — по Служебнику 1400 г.

⁸ ГИМ. Син. 600.

⁹ РНБ. Q. П. I. 7. О писце Федоре и обоих Служебниках см.: *Вздорнов Г. И.* Рукописи новгородского писца Федора (1400 г.) // Памятники культуры: новые открытия. 1974. М., 1975. С. 252–264.

¹⁰ БАН. 17.12.1. Описание см. в: *Пергаменные рукописи Библиотеки Академии наук СССР.* Л., 1976. С. 115. Рис. 40. В пользу датировки рукописи началом XV в. говорит обилие используемых полубукв, что в новгородской письменности XIV в. не отмечено.

¹¹ Каталог славяно-русских рукописных книг XI–XIV в., хранящихся в ЦГАДА СССР. М., 1988. Ч. 2. С. 314.

Весьма вероятно, что две новгородские рукописи, принадлежавшие одному кругу, до 1661 года, времени вкладных записей патриарха Никона, имели общую судьбу. Однако судьба кодексов оказывается различна в дальнейшем. Служебник уже в 1675 году числится среди книг патриаршей ризной казны и затем вместе с другими рукописями патриаршей библиотеки попадает в Синодальное собрание ГИМ. Требник, очевидно, оставался в монастыре. По описи Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря 1680 г. в монастыре находился лишь один харатейный «потребник». Его местонахождение к 1846 году было неизвестно, однако он не был указан среди утраченных («не явившихся») книг ни при описи 1751–1755 г., ни при описи 1776–1777 г., что означает, вероятно, что, по крайней мере, до этого времени рукопись находилась в монастыре¹².

Каким образом рукопись попала к А. И. Мусину-Пушкину, мы можем в настоящее время лишь догадываться. Однако точно можно сказать, что продавец совсем не хотел, чтобы граф Мусин-Пушкин узнал, откуда происходит книга, и не побоялся проклятий патриарха Никона, адресованных специально тем, кто «злым умыслением испишет» из рукописи вкладную запись.

